

М. А. Соловьева

Развитие представлений о феномене политической культуры

Познание политической жизни любого общества невозможно без изучения его политической культуры, которая, затрагивая все грани общественной жизни, во многом объясняет истоки, характер и особенности конкретной политической системы, господствующий в обществе политический режим, динамику и направленность политических процессов. Кроме того, знание особенностей национальной политической культуры открывает перспективы для политического прогнозирования и эффективной реализации конкретных политико-управленческих решений. В контексте изучения психологической составляющей политической культуры, на наш взгляд, необходимо осветить представление о феномене политической культуры в ретроспективе.

Представление о политической культуре обнаруживается еще в древнем мире. В интеллектуальных трактатах античных мыслителей Протагора, Антифона, Гиппия (V в. до н. э.) появляется «идея культуры» — идея существования особого мира, созданного волей, разумом и руками человека. Не будет преувеличением сказать, что такое понимание и объяснение мироустройства было поистине революционным. «Идея культуры» логически вытекала из нового понимания предмета философии и трактовки места человека в универсуме. Греческие мыслители решительно сместили вектор философской рефлексии с познания природы на познание человека, и тем самым разрушили космоцентрическую и создали антропоцентрическую картину мира¹.

В дальнейшем известные римские государственные деятели-философы — Марк Тулий Цицерон, Вергилий, Луций Анней Сенека, Корнелий Тацит — размышляли о путях достижения единства между гражданами и полисом. Эту сложную политическую проблему предполагалось решить посредством повышения уровня политической культуры отдельных индивидов, жаждущих «хлеба и зрелищ»

Соловьева Мария

Александровна

кандидат

психологических наук,

Санкт-Петербургский

государственный

университет

(Санкт-Петербург);

snai@mail.ru

и не интересующихся политикой, с целью воспитания из них сознательных граждан. Именно в воспитании гражданина-патриота, то есть в превращении дополитического человека в человека политического, виделось главное предназначение культуры. И чем выше степень включенности индивида в общественную жизнь, тем выше уровень его политической культуры и тем он ближе к достижению гражданского идеала. В свою очередь, если государство не реализует свою воспитательную функцию, то политическое общество перерождается в дополитическое, что грозит утратой политических ценностей, разрушением демократических институтов и предвещает непереносимый крах государства.

В целом отметим, что культура в Древней Греции и Древнем Риме трактовалась как личностное качество — единство гражданственности и образованности, приобретаемое в процессе целенаправленного воспитания.

В конце III в. н. э. процесс распада Римской империи приобретает необратимый характер. Происходит стремительное разрушение системы политических ценностей, идея Отечества исчезает, поэзия и драматургия постепенно деградируют — Европа вступает в период Средневековья. Культурная и политическая жизнь сосредотачивается в крупных поместьях, которые одно за другим добиваются независимости от гражданской римской общины. Мировоззрение античного человека коренным образом меняется, становясь полностью теологическим. Философия уступает свое место религии, которая предлагает новую систему жизненных ориентиров, базирующихся на постулатах христианства. В массовом сознании понятие «культура» замещается понятием «культ», а общественный порядок представляется таким же вечным и неизменным, как природный. «Осень Средневековья» приходится на конец XIII — начало XIV в., когда складываются предпосылки новой системы политических и экономических отношений, рождающих новое мироощущение и новое миропонимание. На пороге стоял новый век, впоследствии названный Возрождением.

Коренные перемены в политико-экономическом устройстве европейского общества в период Ренессанса сопровождались не менее существенными трансформациями в картине мира людей. Центральное место в новом мировосприятии заняла идея признания человека центром мироздания и высшим творением природы, следствием чего явился гуманистический идеал человека. Ядро этого идеала составил иной политико-социальный тип человека, нежели тот, на который ориентировались мыслители античности. На первый план в представлениях ведущих мыслителей Возрождения — Ф. Петрарки, Т. Мора, Н. Макиавелли, М. Монтеня — вышло понятие гармонии, которое рассматривалось как принцип организации политической и социальной жизни. Кроме того, появился ряд педагогических концепций, исходящих из того, что воспитание граждан является главной задачей не только родителей, но и государства. В связи с этим, в университетах предлагалось целенаправленно готовить людей, способных занимать общественно значимые должности и обладающих умением принимать политические решения². То есть, впервые стала обсуждаться необхо-

димось целенаправленного формирования не только политического человека, но и политического лидера.

Большинство идеологов Нового времени — Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Вико — по-новому осмысливали вопросы социально-политического устройства общества. Идеи этих мыслителей впоследствии не только составили интеллектуальный фундамент европейского Просвещения, но и определили ценностно-смысловое содержание современной западной политической культуры.

Политическая культура в Новое время обретает принципиально иные измерения. Прежде всего, закладываются основы западного гражданского общества, обладающего большой степенью автономности по отношению к государству, в котором утверждаются две политические установки — это ценность человеческой личности и убеждение, что не человек для государства, а государство для человека. Сильнейшее влияние на формирующуюся европейскую политическую культуру оказала идеология протестантизма. А именно — вызревает убежденность, что основой общества является не государство, а добровольные объединения граждан, связанных обязательствами друг перед другом и перед Богом; государство же вторично по отношению к гражданским общинам и представляет собой результат общественного договора между народом и правителем. На практике это привело к разграничению юрисдикций государства и церкви, а также к активному поиску и формальному закреплению новых политико-правовых отношений как внутри общества, так и новых форм взаимоотношений между обществом и государством. Постепенно оформилась идея национального государства, определяющим принципом политических взаимоотношений в котором становится конституционализм, то есть идея равенства членов общества перед законом и, соответственно, правовая фиксация границ полномочий государства в отношениях с гражданами, а также его ответственность перед ними. Наряду с этим, население из подданных превращается в граждан, также возникают новые институты политики — парламенты и партии. Политический человек рассматривается как свободный и инициативный, разумный и рациональный, располагающий правом собственности, а также преследующий свои, в основном, социально-экономические интересы, и борющийся за власть с целью их максимального удовлетворения³.

Таким образом, именно в этот период закладываются основы гражданского общества и ценностно-смысловое содержание современной западной политической культуры.

В России термин «политическая культура» появился в конце XIX в. в работах В. В. Ивановского⁴. Развитие общественно-политической практики и общественной мысли России на рубеже XIX–XX вв., когда вопросы политики и культуры выдвигались на ведущие места в жизни общества, естественным образом отразилось на идее политической культуры. Термин стал широко использоваться в общественно-политическом дискурсе на рубеже XIX–XX вв. (М. Острогорский, А. Миров, А. Рыкачев, П. Струве, А. Луначарский, Н. Бухарин).

Для П. Струве этот термин имел особое значение. Он отнес политическую культуру наряду с религиозной и общественной к той части культурного творчества, «которая представляет непосредственное поприще для человеческого духа», противопоставив ее «неизменной сфере материальных интересов»⁵. П. Струве отмечал, что политическая культура основывается на политической зрелости и ответственности гражданина и является противоположностью политической наивности. Политическая культура связана с культурой политической деятельности и демократизмом, которые несовместимы как с излишней революционностью, так и с окончательной решенностью политических и социальных вопросов.

Среди важнейших работ, заложивших основу для изучения в России политической культуры, в первую очередь необходимо отметить исследования В. М. Бехтерева⁶, изучавшего общественные процессы методами созданной им рефлексологии.

В целом, философские размышления на рубеже XIX и XX в. были связаны с необходимостью переосмысления духовных основ общества. Поиск добра, и вместе с ним — смысла жизни, нашел отражение в русской культуре, в том, что важнейшее место в истории русской мысли заняла религиозная философия. Представители этого направления видели в национальной индивидуальности народа непреложную политическую ценность и, анализируя русский национальный характер, пытались выделить такие его черты, которые определяют специфику российской политической культуры (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Вяч. Иванов, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, Г. П. Федотов, П. А. Флоренский, С. Л. Франк).

Россия, как писал один из ярчайших представителей русской религиозной философии И. А. Ильин⁷, была создана людьми с характером, а вся русская культура есть явление национального духовного характера: у русских своя, особая вера, характер, свой уклад души и государственность. Сущность и своеобразие характера русского народа заключается, по мнению И. А. Ильина, в гибкости, крепости инстинкта самосохранения, в его изобретательности, подвижности и темпераментности. Русскому человеку необходимо беззаветно любить и необходимо беззаветно верить, и это является его движущими силами. Ум и воля русского человека приводятся в движение любовью и верой. Такой любви и такой веры требуют от русского человека три великих объекта: Бог, Родина и национальный вождь.

О тонкой духовной организации русского человека писал выдающийся отечественный философ Н. О. Лосский⁸. Он отмечал, что религиозность русского народа и связанное с нею искание абсолютного добра выливаются в искание смысла жизни. Одна из важнейших черт русского характера, по мнению Н. О. Лосского, — это свободолюбие. Для политического процесса свободолюбие означает склонность к анархии. Вследствие этого в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничащая с деспотизмом, поскольку трудно управлять народом с анархическими наклонностями.

Противоречивость русского характера пытался объяснить Н. А. Бердяев. Человеку с русским характером и душой свойственно пламенное искание абсолютной правды, спасе-

ния для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Именно русская душа поглощена решением «конечных, проклятых вопросов о смысле жизни»⁹.

Основное своеобразие политической жизни России Н. А. Бердяев видел в ее прерывной истории. Исторический путь России проходил через определенные стадии культурного и государственного развития, при этом каждый последующий исторический этап революционно отрицал предыдущий. Невзирая на крайнюю болезненность, новый этап отвергал не только те или иные устоявшиеся формы государственной и общественной организации, но и старые нормы и ценности. Однако сколь резкими, а подчас даже демонстративно грубыми ни были бы эти разрывы с прошлым, они способствовали интеграции некоторых основополагающих особенностей предшествующих периодов, и, таким образом, изменчивость сочеталась с преемственностью. Благодаря этому политическая культура России продемонстрировала удивительную устойчивость некоторых своих характеристик. И потому представляется возможным говорить о некоторых константах политической культуры России.

Одной из важнейших характеристик политической культуры, на которую указывали отечественные философы, и прежде всего — И. А. Ильин и Н. А. Бердяев, является определенный стиль взаимоотношений между государством и обществом, а именно — доминирующее положение государства по отношению к обществу. Можно сказать, что этатизм является принципом общественной жизни в России. Причину этого явления в российской политической культуре авторы видели в несоединенности «женственной» природы русского народа и «мужского» начала государства, при которой государство воспринимается как нечто внешнее, оформляющее, вводящее бесконтрольную народную стихию в определенные рамки¹⁰.

В психоаналитическом контексте эта особенность объясняется тем, что российская государственная власть в силу исторически сложившихся эмоциональных стереотипов олицетворяет мужское начало, которое наслаивается на женственность массового сознания¹¹. В дальнейшем эта характеристика российской политической культуры — этатизм — нашла отражение во многих современных работах¹². Этатизм и гипертрофия государства особенно заметно проявляются во времена социально-политических кризисов, когда государство становится неспособным выполнять свои функции.

В отечественной исторической и философской литературе существуют объяснения особенностей политической культуры России природно-климатическими и географическими факторами. Необъятные просторы нашего государства, как писал Н. А. Бердяев, «...тяжелым гнетом легли на душу русского народа. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработает ее...»¹³ Однако, как считает И. А. Ильин, именно от нашего сурового климата и безграничных просторов наш характер получил такие черты, как страстность, созерцательность, неуравновешанность и свободолюбие¹⁴.

В наиболее четком виде такое понимание особенностей политического развития России выразилась в работе Л. Н. Гумилева¹⁵. В модернизированном и систематизированном виде теория климатического и геополитического детерминизма изложена в работе А. Фонова¹⁶, в которой излагается оригинальная концепция исторического пути России в целом и политического развития в частности. Анализируя условия, в которых на протяжении многих веков приходилось находиться России, автор приходит к выводу, что они привели к формированию в нашей стране особого мобилизационного типа развития. Особенность такого типа развития, согласно данной концепции, заключается в том, что он ориентирован на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств. Сформировался этот тип развития благодаря сложным природно-климатическим условиям и перманентной угрозе со стороны внешних врагов, вследствие чего российскому обществу приходилось постоянно напрягать все свои силы в борьбе за выживание, подчинять частные интересы государственным и ограничивать личную свободу своих членов, из чего следовало формирование разветвленных механизмов внеэкономического принуждения и соответствующих им норм политического поведения.

Как отмечает И. Б. Градинар¹⁷, реформы в России, когда бы они ни проводились, — от Крещения Руси до наших дней, — никогда не были интеллектуальной и психологической рефлексией всего общества на необходимость перемен. Беда общества состоит в том, что оно живет то в прошлом, то в будущем, оно никогда не живет настоящим. В России не было такого реформаторского периода, в рамках которого происходило бы сплачивание различных социальных групп, создавались бы условия для свободной конкуренции. Отсюда постоянное воспроизводство несовпадающих, чаще диаметрально противоположных типов политической культуры и усиление элементов подчинения и насилия в поведении властных структур.

Ситуацию обостряет, как замечает И. Б. Градинар, неспособность политического истеблишмента выбрать верную стратегию в предполагаемых переменах, а стремление выжить делает политическое поведение агрессивным и непредсказуемым. В большей мере стиль поведения властных групп определяется свойственным широким народным массам «синдромом беспартийности» или неучастия, политической апатией, которые становятся господствующим мировоззрением. Это мировоззрение определяет качественное содержание политической культуры целых групп населения, придерживающихся различных политических убеждений. С другой стороны, такое мировоззрение является питательной средой для насилия со стороны власти и экстремизма крайнего крыла оппозиции. Резкое падение авторитета власти, неспособность решать проблемы общества и государства создают предпосылки достижения желанного результата силовыми методами, прежде всего, удержание власти, выходя за рамки правового поля. Поэтому насилие в системе государственно-политических координат — не случайность, а жестко заданная закономерность, которая и харак-

теризует политическую культуру самосознания власти. Мгновения эйфории, выразившейся в искусственно созданном интеллектуальном господстве, сменились неизбежным вакуумом идей и мировоззренческим бессилием. А. С. Панарин¹⁸ также обращает внимание на то, что результаты модернизационных процессов в России рождают вновь и вновь бесконечную цепь неразрешимых и усугубляющихся общественных противоречий.

Таким образом, обращает внимание И. Б. Градинар, теория модернизации как система идей, взглядов и методов имеет смысл до тех пор, пока концептуально увязывается с геополитическими, этнопсихологическими, нравственно-религиозными и историческими факторами и ставит эти факторы на службу основной цели — материальному и духовному процветанию народа. В обратном случае крах экономики и разрушение основ государственной жизни приводят к долгосрочным, необратимым изменениям в политической культуре общества.

В связи с вышеизложенным, необходимо обратить особое внимание на то, что важными факторами формирования, развития и смены политических культур являются не только острота текущей социальной и политической конфронтации, но и зафиксированные в общественной памяти наиболее типичные формы ее протекания. Если конфронтации являются неотъемлемой чертой антагонистического общества и протекают в особо острых формах, то они запечатлеваются в политической культуре как наиболее естественный метод решения общественных противоречий. Напротив, когда в истории социальной и политической борьбы преобладали компромиссные варианты решения политических споров, тенденция политической культуры к компромиссу проявляется значительно сильнее. Это, разумеется, не означает, что политическая культура сама по себе определяет характер и формы социальных столкновений в любых условиях и на любом этапе — их характер и формы зависят от множества иных обстоятельств. Однако политическая культура может — в определенных пределах — вносить коррективы в развитие событий, обостряя или смягчая социально-политический кризис.

Сегодня в российском обществе, как подчеркивает Т. П. Елохина¹⁹, функционирует закон фрустрации, который обнаруживается в его делении на две части: сторонников и противников власти. Обратим внимание, что в контексте политической психологии проблема поляризации и расслоения возникает и при анализе индивидуальной психики человека переходной эпохи. Традиционные формы поведения, усвоенные в детстве поведенческие стереотипы вступают в неврозогенный конфликт с новой реальностью, диктующей прямо противоположные формы приспособительного поведения. Вместе с тем, прежний опыт, приобретенный в рамках родительской культуры и эмоционально нагруженный, не может быть просто отброшен и забыт. Это бы означало предательство родительской культуры, и этому сопротивляется человеческая психика. Такого рода опыт, как замечает М. М. Решетников²⁰, вынужденно вытесняется в область бессознательного и неизбежно напоминает о

себе, усиливая дискомфорт существования. А это, в свою очередь, провоцирует социальную конфронтацию.

Таким образом, модернизация, отвергающая предшествующие этапы государственного развития и не учитывающая национальные особенности, создает такую искусственную среду обитания для политической культуры, в которой общественное ожесточение переводится в скрытые, и потому чрезвычайно опасные формы. Речь идет, прежде всего, об отказе от законной процедуры решения противоречий, что порождает цепную реакцию беззакония, негативного отношения всех субъектов политического процесса к правовым общественным установкам. Включение силовых сценариев в характер и содержание политического поведения субъектов политики составляет «ядро» и политической культуры общества.

Итак, подчеркнем, что специфика политической культуры России во многом обусловлена особенностями национального характера. Это, прежде всего, общинное мировоззрение, ориентированность на духовные ценности и стремление к поиску смысла жизни, а также способность видеть священный смысл во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и политической. Особенности современной российской политической культуры проявляются в высокой степени ее фрагментированности и конфликтности, что вызвано в первую очередь глубокой психологической и нравственной трансформацией общества, резкой сменой духовных доминант и ценностных ориентиров в период общественно-политических изменений государственного устройства. Кроме того, для российской политической культуры характерно отсутствие общепризнанных эффективных процедур разрешения социально-политических конфликтов, отсутствие общественного согласия о путях дальнейшего развития общества, а также отсутствие доверия между представителями разных субкультур.

Возвращаясь к понятию «политическая культура» в целом, отметим, что оно появилось в научном обороте с середины 1950-х гг. в рамках концепции политической культуры, положившей начало теоретическому исследованию этого феномена в современной западной политологии. Авторами концепции выступили американские политологи Г. Алмонд и С. Верба, которые определили политическую культуру как систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании, а также ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике²¹. Заметим, что важнейшим вкладом этих политологов в методологию изучения политической культуры явилось изменение вектора исследований с рассмотрения институтов и структур на социально-психологические аспекты политической культуры.

По итогам своих исследований авторы выделили три прототипа политической культуры, сочетание которых образует ее реальные варианты: патриархальный, подданнический и активистский. Оптимальный вариант, с точки зрения авторов, образует смешанный тип политической культуры, который они предложили назвать «культурой гражданина».

В целом, согласно подходам западных исследователей второй половины XX в. (Х. Файнер, Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, Д. Кванах, Б. Джессоп, У. Розенбаум, Р. Карр, М. Бернштейн, Р. Престус, Л. Дитмер, Р. Путнэм и др.), подобно тому, как культура определяет нормы и правила поведения в различных сферах жизни и жизненных ситуациях, политическая культура предписывает нормы поведения и «правила игры» в политической сфере. Политическая культура дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, а коллективу — политические нормы и идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие институтов и организаций. Она придает целостность и интегрированность политической сфере так же, как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом. С этой точки зрения основополагающие ценности политической культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения преемственности любой общественно-политической системы.

С 70-х гг. XX столетия в ответ на разработки западных ученых началось систематическое исследование политической культуры в СССР. Следует отметить, что включение в отечественную науку многих научных понятий шло через критику западных концепций. До середины 1980-х гг. темой исследований была политическая культура или всего общества (как советского, так и других социалистических стран), или определенного социального слоя: рабочих, студентов, интеллигенции; уделялось также внимание вопросам политического воспитания и классовой идеологии²².

Одни из инициаторов исследования политической культуры в марксистском общественно-знании, Ф. М. Бурлацкий и А. А. Галкин²³, использовали концепцию политической культуры для историко-сравнительного изучения различных политических систем с учетом традиций и особенностей культурного развития. Анализируя политическую культуру в качестве одного из компонентов политической системы общества, авторы отнесли политическую культуру к явлениям духовного порядка, в то же время подчеркивая, что политическая культура — это прежде всего социально-психологический феномен; она основывается на социально-политическом опыте общества и определяет формирование политического поведения.

На современном этапе развития отечественной науки все больше внимания уделяется психологическим аспектам общественно-политических явлений, в том числе и политической культуры²⁴. Значительная часть исследователей считает, что политическая культура является качественной характеристикой всей политической жизни, поэтому ее нельзя сводить к отдельным явлениям общественной жизни или отдельным характеристикам. Например, А. Головин²⁵ в контексте политической социализации под термином «политическая культура» понимает обобщенную характеристику отношения граждан к политической системе своего общества и к политической активности. В качестве важнейших характеристик политической культуры автором названы: степень удовлетворенности политической системой; способ разрешения политических конфликтов и дифференциация политической культуры

общества по поколениям. Продолжая западную традицию, К. С. Гаджиев²⁶ делает акцент на значении политической культуры в жизни общества, отмечая, что политическая культура призвана, прежде всего, придавать целостность и интегрированность политической сфере. Политическая культура составляет комплекс представлений какой-либо нации или социально-политической общности о том, что такое политика и о обо всем, что связано с политическим устройством жизнедеятельности общества и, предоставляя политические установки и идеалы, предписывает руководящие принципы политического поведения. Д. В. Ольшанский²⁷ рассматривает политическую культуру как набор психологических ориентаций на политические объекты и структурно представляет политическую культуру в виде трех уровней: 1) познавательные ориентации (знания о политической системе, особенностях ее функционирования и т. п.); 2) эмоциональные ориентации (чувства по отношению к политической системе, ее функциям, участникам и их деятельности); 3) оценочные ориентации (отношение человека к политической системе и ее составляющим).

В данном контексте представляет интерес понимание феномена политической культуры В. О. Рукавишниковым²⁸. Автор полагает, что в каждый конкретный момент времени политическая культура определяется балансом сосуществующих, присущих той или иной эпохе, консервативных и подвижных компонентов и черт национальной культуры и политической системы страны в целом. Этот баланс образуют, с одной стороны, совокупность относительно устойчивых во времени социально-культурных характеристик общества, зафиксированных в традициях и законах, регламентирующих организацию социально-политической жизни общества. С другой стороны, баланс поддерживает множество динамичных элементов, таких как социально-психологический климат и общественные настроения, политические ориентации и установки социальных групп, характеристики правящего режима, партийной системы, системы политических коммуникаций. Автор подчеркивает, что на политическую культуру страны также оказывают влияние экономический строй, внешнеполитические, природно-экологические и иные обстоятельства.

Ряд исследователей — А. Ф. Лосев, Т. Арнольд, Л. Дитмер, О. Шпенглер — рассматривают политическую культуру в качестве символической системы. Политическая символика в рамках такого подхода выступает как формализованное выражение сложившихся стереотипов политического сознания и политического поведения нации. Национально-государственные символы и идеалы являются неотъемлемой частью формирования и воспроизведения идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности. Они выступают как своеобразные знаки политической культуры, имеющие ярко выраженную эмоциональную окраску и способные играть значительную мобилизационную роль. Символ представляет собой концентрированное зримое выражение основной идеи явления или понятия, основанное на их структурном сходстве. Одной из форм символа является эмблема, к ней относится и государственная символика. Частным видом эмблемы

являются герб, флаг и другие атрибуты, воплощающие прежде всего идею национально-государственного единства и величия.

Учитывая это, Л. Дитмер предлагает рассматривать политическую культуру как систему политических символов, входящих в более широкую систему, обозначаемую им как «политическая коммуникация»²⁹. Следуя традиции Т. Арнольда, ряд авторов считает символы цементирующим элементом любой политической системы и лежащей в ее основе политической культуры³⁰. Как отмечал О. Шпенглер³¹, единство всякой культуры покоится на общем языке ее символики. Каждый народ создает и почитает собственные национально-государственные символы. Они строятся на длительной традиции, в которой важное место занимают разного рода знамена, флаги и гербы, а также другие символы и атрибуты государственно-политической самоидентификации. Одно из центральных мест среди символов занимают национальные гимны, которые представляют собой официальные патриотические символы, являющиеся музыкальным эквивалентом девиза, герба или флага страны. Заметим, что часть символов формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности всех или большинства членов национального сообщества, а другая часть создается и целенаправленно внедряется элитами.

Собственно психологический механизм, который лежит в основе политической символики — процессы перцепции: ощущение и восприятие, а внедрение или изменение политических символов есть один из механизмов интеллектуальной экспансии. Как отмечает А. И. Юрьев³², в политической психологии процессы перцепции имеют особое значение, поскольку все политические учения и концепции помимо когнитивного компонента, волевого и эмоционального превносятся в жизнь и сопутствующие стандарты и стереотипы. Изучение политической символики, безусловно, является необходимым этапом в познании феномена политической культуры.

Результатом дальнейшего изучения и классификации типов политической культуры стали теория общества с фрагментированной политической культурой и теория политических субкультур. Эти два явления в обществе связаны между собой, близки друг другу, а порою совпадают.

В качестве научного термина понятие «политическая субкультура» появилось в работах Г. Алмонда в связи с классификацией типов политической культуры. Политическую культуру Г. Алмонд разделял на два основных типа: поляризованную («Discordia») и консенсуальную («Concordia») ³³. Принципиальное различие двух этих типов культур состоит в том, что в обществе с консенсуальной политической культурой превалируют центристские умеренные политические силы. В обществе с поляризованной политической культурой доминируют крайние право- и леворадикальные политические силы.

Г. Алмонд подчеркивал, что наиболее глубокие расколы в обществе с поляризованной политической культурой заставляют говорить о расколе политической культуры на субкультуры. Они отличаются базовыми ценностями, воззрениями, ориентациями и т. д. Поэтому поля-

ризованную политическую культуру в свою очередь можно разделить также на два основных типа: «вертикальную» и «горизонтальную». В «вертикальной» политической культуре главными основаниями для образования политических субкультур будут социальные и демографические характеристики. Деление на субкультуры в обществе с «горизонтальным» типом политической культуры основано на религиозных, этнических, региональных признаках.

Итак, однородность или неоднородность политической культуры общества, по мнению ряда специалистов, выступает в качестве основной характеристики политической культуры³⁴. В связи с этим обычно различают тип политической культуры в зависимости от наличия и особенностей субкультур, то есть по степени фрагментированности (гетерогенности) или интегрированности. Отличительными признаками фрагментированной политической культуры являются резкая социальная разобщенность общества и отсутствие общепризнанных эффективных процедур разрешения социально-политических конфликтов, прочного общественного согласия о путях дальнейшего развития общества, а также доверия между представителями разных субкультур. Высокая степень фрагментированности политической культуры наиболее ярко проявляется в периоды политических и социальных изменений государственного устройства. Интегрированная политическая культура характеризуется непротиворечивостью и иерархичностью политических идентификаций, низким уровнем политического насилия, доверием в политических отношениях социальных групп, лояльностью по отношению к существующему режиму³⁵. Относительно причин, влияющих на степень фрагментированности–интегрированности политической культуры, нет единого мнения. Например, У. Розенбаум³⁶ считает, что в основе лежат, прежде всего, социально-экономические различия между отдельными группами населения. М. Х. Фарукшин³⁷ полагает, что наиболее серьезными основаниями для формирования различных политических субкультур являются социально-этнические различия.

Для познания психологической составляющей политической культуры наиболее интересным, на наш взгляд, представляется когнитивный подход к изучению субкультур, который предлагает два способа определения отношения культуры и субкультур общества³⁸. К первому относятся дефиниции, приравнивающие культуру ко всей совокупности ментальных структур, приобретаемых, по крайней мере, частью его представителей. Субкультуры, исходя из этого, представляют собой возможные выборы, которые делают группы или индивиды из культурного целого, поскольку ни один человек в современных обществах не может сказать, что обладает всеми знаниями, составляющими его культуру. Степень произвольности в выборе в данном случае является основным принципиальным отличием субкультуры от культуры. Если приобщение к культуре начинается без согласия ребенка, то включение в субкультуру подразумевает выбор.

Другая точка зрения приравнивает культуру к тем признакам, которые разделяются всеми членами общества и обеспечивают возможность для их взаимопроникновения.

Культура в этом случае — это символическое ядро, проявляющееся через множество субкультурных реализаций. Приставка суб- здесь указывает на вторичное положение вариаций по отношению к базовому единству. И, поскольку культура любого современного общества, по крайней мере отчасти, находится в состоянии беспорядка, то каждый может — и вынужден — время от времени относительно свободно выбирать из множества вариантов правил мышления и поведения. С точки зрения когнитивного подхода, каждый человек стремится интегрировать имеющиеся знания в компактную и непротиворечивую структуру. Собственно, требование непротиворечивости подразумевает, что каждая субкультура включает набор правил, позволяющих принимать решения по поводу всего, что может быть выбрано, и если нет ни одного удовлетворительного варианта — изобретать что-то новое. Возможно, система принципов, по которым осуществляется подобный отбор, — это важнейшая характеристика субкультуры, поскольку эти принципы регулируют отношения с нормами культуры, часть которых интериоризируется, а остальные — отвергаются.

Предположение о том, что одни нормы культуры всегда отвергаются для того, чтобы следовать другим, является исключительно важным в отношении субкультур, основанных на социально-возрастных признаках, и в первую очередь — в отношении молодежных субкультур. Молодежь занимает особое место в процессе формирования субкультур, поскольку именно в этом возрасте наиболее остро воспринимаются конфликты, в том числе культурные, а также именно в этот период человек выбирает определенный сценарий разрешения будущих проблемных ситуаций.

Таким образом, представление о феномене политической культуры многогранно. Политическая психология рассматривает политическую культуру как специфическое психолого-политическое явление³⁹, основное предназначение которой нам представляется в превращении дополитического человека — в политического. Подчеркнем, что последний интересуется политикой как конструкцией власти и осознает ее влияние на общество, а также формулирует свое отношение к действующим механизмам власти и добивается изменений в функционировании власти в своих интересах. Это означает, что взаимодействие политического человека с властью носит осознанный характер, то есть, обладая политическим сознанием и проявляя себя в политическом поведении, человек становится субъектом политической культуры.

¹ Шендрик А. И. Теория культуры. Учебное пособие для вузов. М., 2002.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Дука А. В. Политическая культура: проблемы генезиса и принципы типологии: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1995.

⁵ Струве П. Б. В чем же истинный национализм? / На разные темы (1893–1901 гг.): Сб. статей. СПб., 1902. С. 454.

⁶ Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.

⁷ Ильин И. А. 1) О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе // Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1998; 2) О национальном призвании России // Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. М., 2000.

⁸ Лосский Н. О. Характер русского народа: Репринт. изд. М., 1990.

⁹ Бердяев Н. А. Судьба России. М.; Харьков, 2000. С. 282.

¹⁰ Ильин И. А. О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе // Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1998; Бердяев Н. А. Судьба России. М.; Харьков, 2000.

¹¹ Решетников М. М. Современная российская ментальность-2. Народ — идеология — власть. М.; СПб., 1996. С. 26.

¹² См., например: Кертман Г. Л. Катастрофизм в контексте российской политической культуры // Полис. 2000. № 4; Лях В. И. Политическая культура современной России: переходность и коллизии // Политическая культура и модернизация России на современном этапе: Известия Тульского гос. университета / Под ред. И. А. Батаиной. Тула, 1996. С. 22–32; Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К. С. Гаджиев. М., 1994; Решетников М. М. Современная российская ментальность – 2. Народ — идеология — власть. М.; СПб., 1996; Соснин В. А. Культурно-психологическая основа современного кризиса российского общества // Психологический журнал. Т. 19. 1998. № 1. С. 165–169; и др.

¹³ Бердяев Н. А. Судьба России. М.; Харьков, 2000. С. 326.

¹⁴ Ильин И. А. О национальном призвании России // Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. М., 2000.

¹⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997.

¹⁶ Фототов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

¹⁷ Градинар И. Б. Политическая культура: мировоззренческое измерение: В 2 ч. СПб., 1996.

¹⁸ Панарин А. С. Искусение глобализмом. М., 2000.

¹⁹ Елохина Т. П. Психология политического сотрудничества в России. СПб., 2004.

²⁰ Решетников М. М. Современная российская ментальность-2. Народ — идеология — власть. М.; СПб., 1996.

²¹ См.: Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К. С. Гаджиев. М., 1994.

²² См., например: Блинов Н. М., Ожегов Ю. П., Шереги Ф. Э. Политическая культура и молодежь. М., 1982; Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985; Комаров Е. Г. Политическая культура молодежи. Проблемы формирования и развития. М., 1986; Политическая культура молодежи: состояние, проблемы формирования: Сб. науч. тр. М., 1987; Сандригайло В. Л. Политика и молодежь: некоторые аспекты воспитания политической культуры. Минск, 1986; и др.

²³ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.

²⁴ См., например: Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004; Градинар И. Б. Политическая культура: мировоззренческое измерение. В 2 ч. СПб., 1996; Кертман Г. Л. Катастрофизм в контексте российской политической культуры // Полис. 2000. № 4; Крамник В. В. Имидж реформ: психология и культура перемен в России. СПб., 1995; Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001; Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К. С. Гаджиев. М., 1994; Решетников В. А. Духовные основы современной политической культуры. Иркутск, 1991; Рукавиш-

ников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998; Фарушкин М. Х. Политическая культура общества // Социально-политические науки. 1991. № 4. С. 103–112; и др.

²⁵ Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004.

²⁶ Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К. С. Гаджиев М., 1994.

²⁷ Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.

²⁸ Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998.

²⁹ См.: Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К. С. Гаджиев М., 1994.

³⁰ См., например: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; Фарушкин М. Х. Политическая культура общества // Социально-политические науки. 1991. № 4. С. 103–112.

³¹ Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. В 2 т. М., 1998.

³² Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992.

³³ См.: Пивоваров Ю. С. Политическая культура: методологический очерк. М., 1996.

³⁴ См., например: Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985; Зимон Г. Заметки о политической культуре в России // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 23–32; Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. Гаджиев К. С. М., 1994; Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998; Фарушкин М. Х. Политическая культура общества // Социально-политические науки. 1991. № 4. С. 103–112.

³⁵ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.

³⁶ Там же.

³⁷ Фарушкин М. Х. Политическая культура общества // Социально-политические науки. 1991. № 4. С. 103–112.

³⁸ См., например: Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993; Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981; Cicourel A. Cognitive sociology. Language and Meaning in Social Interaction. N. Y., 1974; Eyerman R., Jamison A. Social Movements: A Cognitive Approach. Pennsylvania State University Press, 1991; Hockett C. F. A Course in Modern Linguistics. N. Y., 1958; Kelly G. A. Psychology of Personal Constructs. N. Y., 1955; Keesing R. M., Keesing F. M. New Perspectives in Cultural Anthropology. N. Y., 1971; Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Vol. 47. 1952. N 1. P. 223; и др.

³⁹ Соловьева М. А. Психологическая составляющая политической культуры молодежи (на примере студенческой молодежи Санкт-Петербурга): Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.

Solovieva M. A. Elaboration of political culture conception.

ABSTRACT: The work examines the phenomenon of political culture as the specific psychology-political phenomenon and development of views about it. In the given context the author gives special attention to such categories as political subculture and political symbols, and analyzes features of the Russian political culture from positions of political psychology.

KEYWORDS: political culture, political culture of Russia, political subculture, political symbols.

AUTHOR: Ph.D. in psychology, Saint-Petersburg State University (St. Petersburg); snau@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Shendrik A. I. Teoriya kul'tury'. Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow, 2002.
- ² Duka A. V. Politicheskaya kul'tura: problemy' genezisa i principy' tipologii: Diss. ... kand. polit. nauk. St. Petersburg, 1995.
- ³ Struve P. B. V chem zhe istinnyj nacionalizm? / Na razny'e temy' (1893–1901 gg.): Sb. statej. St. Petersburg, 1902.
- ⁴ Bekhterev V. M. Izbranny'e raboty' po social'noj psixologii. Moscow, 1994.
- ⁵ Ilyin I. A. O vechno-zhenstvennom i vechno-muzhestvennom v russkoj dushe // Sobr. soch. v 10 t. T. 6. Kn. 3. Moscow, 1998.
- ⁶ Ilyin I. A. O nacional'nom prizvanii Rossii // Shubart V. Evropa i dusha Vostoka / Per. s nem. Moscow, 2000.
- ⁷ Losskij N. O. Charakter russkogo naroda: Reprint. izd. Moscow, 1990.
- ⁸ Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii. Moscow; Kharkov, 2000.
- ⁹ Reshetnikov M. M. Sovremennaya rossijskaya mental'nost'–2. Narod — ideologiya — vlast'. Moscow; St. Petersburg, 1996.
- ¹⁰ Kertman G. L. Katastrofizm v kontekste rossijskoj politicheskoy kul'tury' // Polis. 2000. N 4.
- ¹¹ Lyakh V. I. Politicheskaya kul'tura sovremennoj Rossii: perexodnost' i kollizii // Politicheskaya kul'tura i modernizaciya Rossii na sovremennoe e'tape: Izvestiya Tul'skogo gos. universiteta / Pod red. I. A. Bataninoy. Tula, 1996.
- ¹² Politicheskaya kul'tura: teoriya i nacional'ny'e modeli / Otv. red. K. S. Gadzhiev Moscow, 1994.
- ¹³ Sosnin V. A. Kul'turno-psixologicheskaya osnova sovremennoego krizisa rossijskogo obshhestva // Psixologicheskij zhurnal. T. 19. 1998. N 1.
- ¹⁴ Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli. Moscow, 1997.
- ¹⁵ Fonotov A. G. Rossiya: ot mobilizacionnogo obshhestva k innovacionnomu. Moscow, 1993.
- ¹⁶ Gradinar I. B. Politicheskaya kul'tura: mirovozzrencheskoe izmerenie: V 2 ch. St. Petersburg, 1996.
- ¹⁷ Panarin A. S. Iskushenie globalizmom. Moscow, 2000.
- ¹⁸ Elokhina T. P. Psikhologiya politicheskogo sotrudnichestva v Rossii. St. Petersburg, 2004.
- ¹⁹ Blinov N. M., Ozhegov Yu. P., Sheregi F. E. Politicheskaya kul'tura i molodezh'. Moscow, 1982.
- ²⁰ Burlackij F. M., Galkin A. A. Sovremennyy' Leviatan: Ocherki politicheskoy sociologii kapitalizma. Moscow, 1985.
- ²¹ Komarov E. G. Politicheskaya kul'tura molodezhi. Problemy' formirovaniya i razvitiya. Moscow, 1986.
- ²² Politicheskaya kul'tura molodezhi: sostoyanie, problemy' formirovaniya: Sb. nauch. tr. Moscow, 1987.
- ²³ Sandrigajlo V. L. Politika i molodezh': nekotory'e aspekty' vospitaniya politicheskoy kul'tury'. Minsk, 1986.
- ²⁴ Golovin N. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy' issledovaniya politicheskoy socializacii. St. Petersburg, 2004.
- ²⁵ Olshanskij D. V. Osnovy' politicheskoy psixologii. Ekaterinburg, 2001.
- ²⁶ Rukavishnikov V., Xalman L., Ester P. Politicheskie kul'tury' i social'ny'e izmeneniya. Mezhdunarodny'e sravneniya. Moscow, 1998.
- ²⁷ Farukshin M. X. Politicheskaya kul'tura obshhestva // Social'no-politicheskie nauki. 1991. N 4.
- ²⁸ Kolonickij B. I. Simvol' vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniyu politicheskoy kul'tury' rossijskoj revolyucii 1917 goda. St. Petersburg, 2001.
- ²⁹ Spengler O. Zakat Evropy': ocherki morfologii mirovoj istorii. V 2 t. Moscow, 1998.
- ³⁰ Yuryev A. I. Vvedenie v politicheskuyu psixologiyu. St. Petersburg, 1992.
- ³¹ Pivovarov Yu. S. Politicheskaya kul'tura: metodologicheskij ocherk. Moscow, 1996.
- ³² Zimon G. Zametki o politicheskoy kul'ture v Rossii // Voprosy' filosofii. 1998. N 7.
- ³³ Zdravomyslova E. A. Paradigmy' zapadnoj sociologii obshchestvenny'x dvizhenij. St. Petersburg, 1993.
- ³⁴ Neisser U. Smy'sl i principy' kognitivnoj psixologii. Moscow, 1981.
- ³⁵ Cicourel A. Cognitive sociology. Language and Meaning in Social Interaction. N. Y., 1974.
- ³⁶ Eyerman R., Jamisson A. Social Movements: A Cognitive Approach. Pennsylvania State University Press, 1991.
- ³⁷ Hockett C. F. A Course in Modern Linguistics. N. Y., 1958.
- ³⁸ Kelly G. A. Psychology of Personal Constructs. N. Y., 1955.
- ³⁹ Keesing R. M., Keesing F. M. New Perspectives in Cultural Anthropology. N. Y., 1971.
- ⁴⁰ Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Vol. 47. 1952. N 1.
- ⁴¹ Solovyeva M. A. Psixologicheskaya sostavlyayushaya politicheskoy kul'tury' molodezhi (na primere studencheskoj molodezhi Sankt-Peterburga): Diss. ... kand. psixol. nauk. St. Petersburg, 2006.